УДК 130.2:008

О «большом стиле» и романтизме

© Бородич В.М.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье раскрываются некоторые интуитивно-категориальные аспекты становления тоталитарной культуры, ее связь с такими феноменами, как романтизм и «большой стиль». Отражена специфика проявления данного предмета в культурах Античности, Нового времени и современности. Обоснован факт пробуждения романтических настроений в связи с востребованностью жизненного синтеза в периоды, следующие за эпохами расчленения. Обозначены внутренние противоречия романтизма, в частности, с одной стороны – стремление к целостности, духовной полноте, внимание к народности, с другой стороны – неприятие всякого универсализма, доходящая до отчаяния склонность к цинизму, одиночество. На примере творчества А.А. Блока и других представителей русского романтизма показана возможность пересечения художественных интуиций с тенденциями тоталитарного типа.
***Ключевые слова**: тоталитаризм, личность, романтизм, «большой стиль».*

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 117–125)

On “big style” and romanticism

© Borodich V.M.
Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The article presents intuitive and category aspects of setting up totalitarian culture, its link with such phenomena as romanticism and “big style”. Spcific character of the manifestation of this subject in antique, New age and contemporary cultures is reflected. The author gives grounds for the fact of the revival of romantic moods in connection with the requirement of life synthesis in periods following the epoch of splitting. Inner contradictions of romanticism are exposed; namely, striving to the unity, spiritual completeness, attention to tradition and people reientation, on the one hand, and rejection of the official univeralism, cynicism, lonelyness, on the other. On the example of A.A.Block’s works and representatives of Russian romanticism the author shows the possibility of the intersection of artistic intuitions and the tendencies of totalitarian type.
***Key words:** totalitarism, personality, romanticism, “big style”.*

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 117–125)

Леворадикальные авторы предостерегают от соблазна утверждать, будто с падением режимов компартий, повсеместным «разгосударствлением» и утверждением режимов представитель-ной демократии и неолиберализма можно заявлять о преодолении тоталитарных тенденций. С одной стороны, они говорят «неолиберальном тоталитаризме» как новейшей системе господства, которая гибко воздействует на уровне манипулирования общественным сознанием. С другой, они предупреждают, что «реакцией на неолиберальный хаос экономического дерегулирования может стать новая диктатура с сильными профашистскими чертами» [1]. В эпоху сложнейших глобализационных

Адрес для корреспонденции: Московский пр-т, д. 64, кв. 136, г. Витебск – **В.М. Бородич**

процессов, сопровождающихся кризисом всех сфер бытия, когда реальная дезинтег-рация скрещивается со стремлениями к восстановлению целостности, важно очер-тить не только социально-политические и психологические параметры тоталита-ризма, но и выделить их метафизические составляющие. Мы попытаемся осмыслить этот феномен, акцентируя внимание на базисных интуициях и онтологических ка-тегориях, отвлекаясь от прочих факторов.

Цель данной статьи – определение соотношения между некоторыми метафи-зическими императивами, побуждающими к проявлению тоталитарных тенденций и такими культурообразующими понятиями, как романтизм и «большой стиль».

Материал и методы. Объектом исследования являются кризисные эпохи в истории культур, образцы философского и поэтического творчества. За основу принята культурологическая концепция А.Ф. Лосева. Использованы общелогичес-кий и диалектический методы.

Результаты и их обсуждение. Обоснован тезис об активности проявления романтических настроений в эпохе синкретизма, когда смешиваются основные интуиции и требуется жизнеутверждаю-щий синтез разъединенных прежде начал.

Очевидно, что тоталитаризм вызван каким-то нарушением в отношении между целым и частью. Если часть выдается за целое, она начинает ломать все существо организма. Тогда угроза исходит не со стороны целого, а со стороны части, «возомнившей» себя целым. Но возомнить себя чем-то может только разумное существо. Личность не есть просто вещь или организм и ее отношение к миру вещей (в частности – отчужденность) во многом зависит от того, как человек понимает саму личность.

Отношения человека с миром существенно меняются, начиная с эпохи Возрождения. Как и в Средние века, они строятся на принципе (интуиции) личности. Впрочем, сначала речь идет лишь об утверждении иной модифика-ции этого принципа. Средневековая цивилизация строилась на интуиции Личности трансцендентной. Интуиция Возрождения есть интуиция личности имманентной, человеческой. В Христи-анстве человек также признается лич-ностью (автономной и субстанциаль-ной), но причастной Богу. С Воз-рождения доминанта в отношениях между двумя модусами основной интуиции смещается в сторону человека. Просвещение, в рамках которого собственно и совершается новый проект, вносит в существо базисного принципа ряд поправок.

Основная «формула» личности – единство субъекта и объекта. Единство это возможно как в субъекте, так и в объекте (а также – как субъект и как объект). Так, античной модели соответствует второе, а возрожденческо-просвещенческой – первое. Поскольку христианство понимает Бога как Троицу, дополнительно возникает воп-рос не только об отношении сущности и энергии, но и об отношении природы и сущности. В Троице нет ни суборди-нации, ни объекта, ни субъекта. Абсо-лютная личность – выше всякого проти-вопоставления. А категории субъект и объект как раз и выражают проти-востояние. В Троице три Лица пребы-вают нераздельно-неслиянно. Как и две природы – во Христе. В природе божест-венного единства – Любовь. В мире – иное.

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –

Быть может спаяно железом лишь и кровью…»

Но мы попробуем спаять его любовью, –

А там увидим, что прочней…

Произнося эти строки, Ф.И. Тютчев (романтик!), конечно, понимал, что пробовать – еще не значит достигать.

Личность окончательно не схватывается никакой логикой. Ни формальной, ни даже диалектической.

Все проблемы (как в негативном, так и в позитивном смысле) связаны именно с личностью. Проблема тоталитаризма не есть проблема исклю-чительно отношения целого и части. Это – проблема личности. Нет личности – нет проблемы (маленькая поправка к известному тезису). Есть ощущение, что нас кто-то подталкивает к отказу от личности. Тоталитаризм есть попытка уничтожения личности, и демократия (любая!) не является панацеей от подобных предприятий.

Проблема обостряется в момент бого-оставленности, неизбежной с изменением доминанты в самой интуиции личности. А точнее: в момент смешения интуиций личности и вещи. Ответственность же за такое смешение несет уже не столько Возрождение, сколько эпоха, следующая за ним. Гуманисты «подвинули» Бога. Просветители используют Его как понятие (уже начиная с Декарта). В итоге природа превращается в объект властных упражнений и домогательств, а человек сводится к гипертрофированному субъекту: познания, действия и т.д.

На наш взгляд, столь чудовищная расщепленность целостности, какая она есть сегодня, оказалась возможной именно с переворотом в интуиции. Неоязычники могут во всем обвинить отход от интуиции Вещи. Постмодернисты будут «копать» глубже и взывать к интуиции Становления (в духе буддизма). Но человек никогда не откажется от интуиции личности, поскольку сам есть личность и вызван к бытию Личностью же, а не появился вследствие только эманации или эволю-ции. Отказавшись от этого, можно лишь переносить данную интуицию на что угодно: вещь, материю, народ, понятие и т.п. Иными словами – творить кумира.

Мир эпохи Возрождения был настолько пронизан личностными отношениями, что сам становился реальной субстанцией, «именно областью человеческого чисто артистического творчества, а не выдумкой, порожденной человеческим воображением». Люди еще не знали, к чему приведут их иллюзии о свободе отдельной человеческой личности. «Вся природа представлялась им каким-то огромным организмом и какой-то лич-ностью с внутренними переживаниями, внешнее выражение которых достав-ляло человеку бесконечную радость и какое-то созерцательно-самодовлеющее удовольствие» [2, с. 381–382].

Это уже романтизм, но еще не траги-ческий. Между ним и романтизмом «буржуазным» лежит Просвещение, с его опытом конструирования на базе не только обновленной интуиции, но и разного рода смешений.

В античности интуиция личности была достаточно слабой. Самого себя человек понимает как вещь. Раб – говорящее орудие. Свободный – вещь организующая, управляющая, мыслящая. «…Аристотель доказывает, что раб, являясь собст-венностью господина, является его частью и составляет с ним нечто целое, а будучи его частью, он получает от этого и свою пользу, и что противоположность госпо-дина и раба разлита по всей природе. Из этого необходимо сделать также и тот вывод, что благосостояние господина есть цель деятельности раба. Ведь мировой Ум тоже есть цель для всего существующего и живет только постольку, поскольку к нему все стремится» [3, с. 729].

Разве это – не Тоталитаризм? Господин отождествляет себя с Умом – принципом целостности, Целью-цельностью. Происходит гипертрофия части, возводимой к самому Целому. Но задает всю эту структуру интуиция Вещи, а не Личности. Интуиция чувственно-телесная, а не духовная.

Впрочем, неверно полагать, что в образовании античного тоталитаризма (точнее – его модели) участвует лишь интуиция Вещи. Речь должна идти, опять-таки, о синкретизме, в котором мощная интуиция доминирует над слабой, едва прорезающейся. Да и интуиция Личности в эпоху поздней классики не так уж и слаба, по сравнению с предшествующими эпохами. И если Платон колеблется между идеалами раннего рабовладельческого полиса и до-

полисной общины, то Аристотель – яростный поклонник рабо-владения, и его колебания происходят в рамках уходящего полиса и надви-гающейся империи.

Поскольку Аристотель исходит из первоначальной художественной интуиции, мы имеем своего рода романтизм, с точки зрения которого все мировое целое есть художественное произведение. «У романтиков нового времени тоже все одушевлено, все осмысленно и все производит на нас художественное впечатление. Однако первоначальная интуиция роман-тизма, заставляющая его строить одушев-ленную и разумную вселенную, полную жизни и красоты, понимает все телесное отнюдь не буквально, но вполне личностно, то есть метафорически…» [3, с. 736].

Из сказанного не следует, что романтизм Нового времени вовсе чужд тоталитаризму. Синкретизм интуиций вещи и личности присущ и Возрождению, и абсолютистскому «Большому стилю» галантного XVII века, и романтическому бунту против классицизма, и неоромантизму конца XIX – начала XX в., не говоря уже о генетически близких неоромантизму двух тоталитарных системах прошлого века, каждая из которых дала свой «Большой стиль».

Для Лосева социалистическая идея была органичным развитием идеи буржуазной. Они вместе противостояли для него средневековому мировосприятию и были порождением единого духа Нового времени. «Платоновский тоталитаризм в социально-политической сфере органично замкнул собой свойственную Новому времени гипертрофию земного субъекта, как это произошло в самой античности, тоже знавшей и свое Просвещение, и своего Ницше. Прямо по Достоевскому: исходя из безгранич-ной свободы, Новое время заключило безграничным насилием» [4, с. 937].

Правда, высокая классика античнос-ти предлагала лишь модели тоталитар-ного устроения общества. Аристотель дает теорию того, что мы теперь называем чисто классическим стилем. Этот стиль – ясный, исключающий холодность, нехаотический, в меру сжатый, в меру длительный, соответст-вующий действительности, в меру патетический. «Можно попросту сказать, что под именем стиля Аристотель рисует знакомый ему классический стиль, в котором пафос и необычность умело соединены с ясностью, мерой и общедоступностью» [3, с. 616].

Романтизм обыкновенно рассматривается как оппозиция классицизму, предваряемая сентиментализмом. Общим местом стало связывание с романтизмом особого интереса к окружающей действительности, заключающегося в противопоставлении реального мира идеальному, в утверждении другомирия. За романтизмом следуют реализм, натурализм и модернизм. Все это – стили. Причем не только сугубо литературные, художественные, но и общекультурные, определяющие весь образ жизни. Поскольку романтизм так или иначе соотносится с классицизмом, придется кое-что уточнить и в отношении последнего. В частности: можно ли в нем видеть тот «Большой стиль», который в дальнейшем распадается и не может обрести достойного преемника до сих пор?

Так, в модернизме отсутствует единство, необходимое для стиля как такового. Скорее это – разнобой «стилей». Постмодернизм и вовсе не вяжется со стилем. Сошлемся на трактовку Н.С. Автономовой: «Постмодернизм есть мировоззрение fin de siecle, то есть тип чувствования, умозрения или позиция игрового перебирания культурных вариантов предыдущих эпох, размывание границ, рамок между видами, рядами, формами культурной деятельности, когда в эклектические соединения вступают не лирика и эпос, не позиция и живопись, а наука, искусство, философия и религия» [5, с. 19]. Стирание человеческой индивидуальности, ее распыление заходит здесь настолько далеко, что остается

говорить лишь о стилизации.

Романтизму же тесны всякие рамки, в том числе и стиля. «Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю, / Чую с гибельным восторгом: пропадаю! Пропадаю!». Если стиль, – как полагал Ж. де Бюффон, – это человек, то в романтизме чувствуется претензия на сверхчеловека. Порыв к целостности приводит к размыванию едва ли не всех жанровых границ. В отличие от модернистов, часто не дотягивающих, не добирающих до планки, позволяющей признать у них наличие стиля (не «большого», а хотя бы не сводимого к стилизации), романтизм, в сущности, есть нечто гораздо большее, чем просто стиль, и потому ближе к «Большому стилю», ближе к Классике, чем сам классицизм.

В отношении классицизма представляется, что и он есть лишь стилизация под Классику. Вспомним эпоху Античности. Ранняя Классика, средняя, высокая. Затем – эллинизм. Эллинизм и есть античный классицизм, т.е. стилизация.

Вот какими терминами пользуется Ю.М. Бородай, говоря о Классике уже Нового времени: «классика самого буржуазного общества – раннее Возрождение», «ранняя классика буржуазной культуры – Возрождение». «Буржуазная культура не создала собственно «большого стиля». Но она сумела стилизовать культуры всех эпох и народов, и не столько стилизовать .., но каждую из них она превратила в свой “идеал”». Отправной пункт всей эволюции буржуазной культуры – рождение оторвавшегося от всякой (будь-то «натуралистической» или «спиритуалистической») целостности «част-ного» человека, признающего единст-венной реальностью собственный интерес [6, с. 15–24].

Человек эпохи Возрождения (еще не «буржуа»!) стремился удержать ту трехчленную структуру личности, которую открыло христианство: единство тела, души и духа. Античность ничего подобного не знает! Там человек есть единство души и тела (с приматом чувственно-телесной интуиции). Но человек Возрождения желает устоять в духовной целостности без Бога (не будучи атеистом). Желает вполне реализовать эту целостность здесь, на земле, в этой жизни (а для этого приходится «реабилитировать» тело, представляя дух имманентным ему). С точки зрения христианства подобная реализация была единственной (Иисус Христос – Богочеловек). Остальные – лишь по причастности (по Августину, человек есть личность субстанциальная и моральная, но моральная не автономно). Гуманисты решились на субстанциальность без моральности, вернее – без нравственности, ибо авто-номная мораль не есть нравственность.

Проект срывается! Начинается смешение интуиций вещи и личности. Человек Просвещения – рационалист. Здесь уже нет той целостности, которую наследовал человек Возрождения. Дух сводится к разуму, а сам разум, неизбежно, – к рассудку. Страдает чувство. Колеблется воля. Человек расщепляется. Отныне вся его целостность обеспечивается лишь в понятии, абстрактно. Мнимая целостность. Пожалуй, классицизм как раз и утверждал эту мнимую, виртуальную цельность.

Отсюда вполне понятна реакция сентиментализма: ставка на чувственность, надежда обрести на ее основе утраченную целостность. На деле же предлагается все та же абстрактная односторонность, все в тех же рамках. При наличии настоящего «большого стиля» рамкой является мир, естество или – Бог. В Новое Время рамкой становится сначала сам человек (пытается стать!), а затем – техника, его произведение. Искусство Античности не было техникой. Оно вписывалось в каноны античной практики как ремесло, наряду со всяким другим ремеслом. С вывертами и смешениями в базисных интуициях начинается фетишизация Искусства (в узком и широком смыслах). Мир

сначала выхолащивается, сводится к голой объектности, к картине. Затем происходит фетишизация. Фетишизаций («обрамле-ний», кумиров) – легион.

На что настроен, что ищет в такой ситуации (не обязательно осознанно) романтизм? «А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!». Романтизм стремится к целостности: утраченной, истовой, обновленной. И стремится из жуткого одиночества, покинутости. Просвещение явило собой эпоху великих расчленений, главным из которых оказалось жесткое разделение субъекта и объекта. Напомним, что сама личность как раз и есть единство S и O. А.Ф. Лосев предлагал еще и метафорическое определение личности как вещи, вывернутой наизнанку. За расчленениями требуется синтез, причем не абстрактный, и даже не конкретно-спекулятивный (как у Гегеля), а самый что ни на есть жизненный. Мыслью можно дойти до самых тонких различий, нанося при этом раны живой действительности. Тою же мыслью раны можно попытаться и залечить. Но при этом возникают проблемы с восстановлением жизнеспо-собности организма. Не помогает и обращение к чувственности. Решив-шийся стать Богом субъект пытается втиснуть дух в границы имманентного. В итоге вместо Неба и Души он получает две бездны, две дыры. «Бог умер!» (в обеих исторических вариациях).

Кто-то пытается, затыкая дыры раз-ного рода абстракциями, вымаливать у этих затычек блага. А.Ф. Лосев писал по этому поводу так: «Находятся даже поэты, которые воспевают эти бесконечные мировые «просторы», на самом деле равносильные самому обыкновенному сумасшедшему дому. Говорят: никак не могу помыслить, что мир имеет пространственную границу». Получается «пошлейший нигилизм и религия дыромоляйства» [7, с. 226]. Кто-то впадает в последнее уныние или такой цинизм, что античные киники могут «отдыхать». Романтизм же полагается на Свободу или, точнее, на свободную волю – волю, ничем не стесняемую. Такая свободная воля жаждет Духа, она и есть дух, но в его «богооставленности». Трагедия!

Вот как характеризует религиозное сознание, присущее романтизму XVIII–XIX вв. Т.В. Литвинова: «Чтобы сохра-нить кажущуюся гибнущей религию, романтик старается спасти веру в сверхъестественное вообще: он защи-щает и утверждает «суеверия», стре-мится иметь личный мистический опыт, пытается оформить (по-новому) прост-ранство, «населив» его фантастичес-кими существами.

Происходит обезличивание Бога: либо отождествление его с мировым законом (неизвестной судьбой), либо «растворение» его в природе. Потеряв активного Бога, который был заинтересован в их судьбах, люди поневоле становятся активными сами, пытаясь повлиять на свою и чужую жизнь. Так как христианская мораль, как составная часть теистической религии, также поколеблена, активный деятель не имеет четких моральных ориентиров и идет на риск… Получается парадоксальная ситуация: безличность Бога заставляет человека брать на себя максимальную ответственность и максимально проявлять свой потенциал, который опасен. То есть человек уподобляется теистическому Богу (или Богочеловеку), принимая его обязанности, и таким образом проявляет свою опасную, дьявольскую природу» [8, с. 127–128].

Яркая характеристика! Выскажем небольшое замечание. Романтизм, весьма вариативный в религиозном отношении – это точно не уходящий в позитивизм деизм и не стилизация под пантеизм. Все слишком серьезно и именно трагично.

Порой в оценках романтизма при-сутствует много восторгов, стили-зованности под сентиментализм. Полу-чается какая-то розовая «романтика». Но романтизм имеет и иные оттенки.

В XX веке на арене истории схлестнулись две стихии, природа коих так или иначе связана с романтизмом:

революция, вдохновляемая и взнуздываемая идеями «левых» и революция «консервативная», ведомая традиционналистами. Последнюю кому-то удобнее име-новать «реакцией», да еще с уточнением – «фашистской». Особенно «повезло» здесь А.А. Блоку. «Юность – это возмездие» – таким эпиграфом из Ибсена вступает Блок в свою поэму. Вот как он передал собственное восприятие предреволюцион-ных лет: «Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, поэтому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой воле на более продолжительное время» (Предисловие к поэме «Возмездие»). Ямб пушкинского «Евгения Онегина», ямб блоковского «Возмездия»… Пушкин начинал свою поэму, стремясь цинично разделаться со своим юношеским романтизмом, но затем плавно перешел к реализму стиля. При обсуждении особенностей романтического «стиля» – такая «перестройка» в творчестве великого поэта весьма значима. В поэме же Блока явственно то, что существо поэтического творчества не сводимо к проблеме стиля, а романтизм выходит за рамки всякой субъективности. Однако, в чем же «повезло» Блоку в контексте упомя-нутого выше раздвоения романтизма?

А.В. Бурьяк, модералист и мизантроп, как он себя сам называет, начинает свое повествование о Блоке так: «Александр Блок – это глыба. Навязанные в школе рамки рассмот-рения этой личности возмутительно скрадывали ее масштаб. Мне пришлось открывать для себя Блока заново. И обнаружился мыслитель. Он брался за немногие проблемы и не очень много об этих проблемах написал, но то, что написано, зачастую великолепно» [9]. Некоторых почитателей Блока смутит перечень отмеченных автором достоинств поэта: Варварист. Тради-ционист. Фашист. Мизантроп… То, что Блок – не либерал, очевидно. Гений и либерализм – куда несовместимее, чем гений и злодейство. Но почему – фашист?

Напомним, что рупором итальянского фашизма являлся теоретик футуризма (т.е. один из виднейших модернистов) Маринетти, а первым итальянским фашистом был не Муссолини, а Габриэле Д'Аннунцио – поэт и писатель, безусловно, романтического склада. Поэт – далеко не рядовой. Если кто-то возразит, что Д'Аннунцио был прожженным циником, то и в этом нет особого противоречия.

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет. // «Евгений Онегин»

Не каждый романтик способен в своей эволюции изжить присущий ему заряд цинизма. Пушкин смог, многие другие – нет.

А. Мёллер так пишет о природе фашизма: «…на провал обречены все попытки понять суть фашизма .., сводящие его к голой теории, так же, впрочем, как и попытки ограничить его определенными социальными слоями. В этой сфере политики отношение к понятию является инструментальным, косвенным, задним числом изменяющимся. Предшествует решение о жесте, ритме, короче: «стиле». … Бенну (Готфрид Бенн) нравится в футуризме то, что тот переступил через «ограниченную психологию натурализма, прорвал прогнивший массив буржуазного романа и, благодаря сверкающей и стремительной строфике своих гимнов, вернулся к основному закону искусства: творчеству и стилю»… холодный стиль, стремительность, блеск, великолепие…» [10]

«Холодный стиль» – одна из ключевых меток фашизма. Мы полагаем, что это и есть романтизм, но крайне разочарован-ный и крайне

политизированный. Что касается Блока, то вряд ли большевики очаровали поэта, но и «белую реакцию» он не принял. А что в белом движении были фашистские настроения – факт. Еще до Харбина, до Несмелова и Родзаевского – хотя бы у корниловцев.

«Романтизм для Блока – это «душа», «дух» (в поздних статьях, в связи с укрепившейся нелюбовью к «психологизму», Блок явно предпочитает «дух» «душе»), внутренняя «стихия» творчества. Блок резко противопоставляет романтизм искусству описательному, искусству, собирающему плоды лишь с поверхности явлений … главное – душа народа и вообще дух, душа мира, которую поэт призван выразить» [11].

И совершенно созвучное этому бунинское:

Знал поэт: опять весною
Будет смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому – не все ль равно!
Запах лавра, запах пыли,
Теплый ветер… Счастлив я,
Что моя душа, Виргилий,
Не моя и не твоя. // «У гробницы Виргилия»

Причем, для И.А. Бунина такое настроение вообще является основным. И выразил он свое кредо в поэзии за-долго до написания Блоком «О роман-тизме» (1919). «Охлажденность», проце-женность каждого слова, отвращающая некоторых любителей поэзии сухость – все это у Бунина еще выразительнее, чем у Блока.

Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного.
Вдали Я вижу ночь: пески среди молчанья
И звездный свет над сумраком земли.

А вот итоговое:

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет
Только я да Бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль
Ту, что я от всех таю…
Холод, блеск, мистраль. // «Ночь»

Но не причислять же и Бунина (конечно – романтика!) к какой-либо разновидности тоталитаризма, хотя с мёллеровским определением «фашистского стиля» совпадение – едва ли не буквальное.

«В XVIII веке философия окончательно обездушивает мир и жизнь, но именно на пороге XVIII и XIX веков – в тот момент, который Шпенглер считает н а ч а л о м умирания западной культуры – начинается кризис реакции против этого духа «новой истории»… Величайший объективный трагизм переживаемой нами эпохи состоит в том, что поверхность исторической жизни залита бушующими волнами движения, руководимого духовно-отмирающими сила-ми ренессанса, а в глубинах жизни, еще совершенно бездейственно и уединенно, назревают истоки нового движения, которому, быть может, суждено сотворить новую культуру, искупив основное грехопадение ренессанса» [12, с. 53]. Почти век спустя после выказанных в данном суждении С.Л. Франком надежд на оздо-ровление культуры приходится констати-ровать, что надежды эти до сих пор, мягко говоря, не оправдались.

Заключение. «Большие стили» России эпохи Сталина и Германии эпохи Гитлера можно рассматривать как грандиозную стилизацию, к которой причастны (не более того, но и не менее) интуиции романтизма. Сам романтизм, будучи больше, чем стилем, отличался и склон-ностью, и способностью к блестящим стилизациям. В любом случае, нельзя ста-вить знак равенства между тоталита-ризмом, с одной стороны, и романтизмом (и даже настоящим «большим стилем»), с другой. Кроме того, тоталитаризм может подстерегать нас и на современном этапе эволюции человечества, ступившего на путь

сомнительного единения в угоду глобализации. С претензиями неолибералов многое уже ясно. Анархизм и постмодернизм, при всей своей радикальности, – также не способны предложить что-то целительное. Романтизму же, как вечному страннику, лишь остается снова поднимать свой парус.

Литература

1. Дамье, В. Леворадикальная критика тоталитаризма / В. Дамье // Сайт Bakunista.
2. Лосев, А.Ф. Эстетика возрождения / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1978. – 623 с.
3. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А.Ф. Лосев. – М.: Фолио, 2000. – 880 с.
4. Гоготишвили, Л.А. Платонизм в зазеркалье XX века, или вниз по лестнице, ведущей вверх / Л.А. Гого-тишвили // А.Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
5. Автономова, Н.С. Возвращение к азам / Н.С. Автономова // Вопросы философии. – 1993. – № 3.
6. Бородай, Ю.М. Древнегреческая классика и судьбы буржуазной культуры / Ю.М. Бородай // Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). – М.: Высшая школа, 1963. – 584 с.
7. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Ло-сев. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
8. Литвинова, Т.В. Религиозная ментальность в культуре западноевропейского романтизма: заключение: автореф. дис… канд. филос. наук: 09.00.13. – Ростов н/Д, 2004. – 144 с.
9. Мыслитель Александр Блок // Персональный сайт А.В. Бурьяка.
10. Мёллер, А. Фашистский стиль // Золотой лев. – 1999. – № 5–6. – www.zlev.ru.
11. Гусев, В.И. Александр Блок // Московский вестник. – № 2. – 2008.
12. Франк, С.Л. Кризис Западной культуры / С.Л. Франк // Освальд Шпенглер и Конец Европы. – М.: Берег, 1922. – 95 с.

Поступила в редакцию 7.04.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.